

СЛОМАННАЯ МУЗЫКА

—
СВЕТЛАНА ЛЕДНЕВА
Писатель, сценарист.
Родилась в подмосковном
Ногинске. По образо-
ванию педагог и психолог,
но большую часть жизни
проработала на телеви-
дении. Окончила сценарные

—
курсы и несолько курсов
в литературных мастер-
ских. Автор двух повестей
для подростков «Изольда»
и «Мои друзья и другие
чудовища», а также множе-
ства рассказов для взрослых
и детей.

Сегодня я ее услышала. Еще недавно с тихим ужасом размышляла о фокусах моего дяди – и вдруг поняла, почему он сделал то, что сделал.

В этой истории всё со всем переплетено, как хвосты Крысиного короля, поэтому непонятно, с чего она началась. Для меня, наверное, с картины «Красный сарай». На фотографии она выглядела фантастически, а в жизни цвет сарая оказался неприятного клубничного оттенка; тревожные мелочи – острые вилы, кривые тени – раскачивали мои внутренние качели. Но я все равно повесила картину в коридоре как напоминание о том, что инвестировать в современное искусство нужно с умом. Теперь, заходя в квартиру, сразу нападалась на эти вилы.

А потом умер дядя, и мне достался его дачный участок. Когда-то там цвел и плодоносил сад-огород с идеальными грядками, аккуратными деревьями и кустами. Казалось, даже цветы были посажены по градиенту. Но когда от дяди ушла жена, все изменилось – и дача, и он сам. На грядках вместо кабачков выросли кочки: как будто армия мертвых поднималась из-под земли, но оцепенела из-за останавливающего заклятия.

Вообще, дядя всегда был странным: например, на предельной скорости летал под гору на своем древнем велосипеде «Турист». Черный рыбацкий плащ и редкие седые волосы развевались на ве-

тру. Наверное, в жизни ему не хватало экшена. Соседка Большая Тома с тревогой следила, как дядя летит с горы в сторону ее дома, но от окна не отходила. А вдруг неудачно затормозит?

Собственно, все это я и узнала от Большой Тома, хранительницы дядиных ключей. Она привела меня на участок, в центре которого стоял...

– Красный сарай! – выдохнула я.
– Почему сарай? Тут три комнаты, – обиделась за дом Большая Тома.

Я обвела взглядом сад:
– А вы знаете, что под этими кочками?
– Он копал, – сказала Тома почему-то шепотом.
– Что копал? – испугалась я.
– Да все вокруг перекопал! – Тома сделала широкое движение рукой, в которое уместился весь участок. – По ночам.

По моему позвоночнику пробежала многоножка паники:

– Почему по ночам?
– Да откуда ж я знаю! Соседи говорили. Сама не видела, живу-то под горой. Думаю, что-то он в эти могилки закапывал. – Она ткнула рукой в сторону ближайшего холмика.

Большая Тома ушла, а я все пялилась на кочки, стыдливо прикрывшись молодой травой. Потом достала телефон и позвонила Славе:

– Привет.

- Привет, – нехотя ответил он.
- У меня теперь дача есть, представляешь? Приезжай, пожалуйста.

Молчание. Будет орать или бросит трубку? Но Слава спокойно сказал:

- Может, хватит, а? Мы же договорились. На этот раз без тупых возвращений.
- Понимаешь... Мне тут надо кое-какие могилки раскопать. Одна боюсь.
- Чего раскопать?!
- Фигню какую-то прям на участке. Я перед ней стою, и мне страшно. Приедешь – увидишь. И вина захвати, ладно?

В этот вечер мы не копали, потому что выпили бутылку совињона и поругались. За окном вопили цикады, в гостиной вопили мы. Потом устали спорить и разбрелись по разным комнатам, так и не выяснив, кто кого сильнее обидел.

Я проснулась на пахнущем плесенью диване от музыки в голове. Мелодия, которую я никогда раньше не слышала, играла в ушах безо всяких наушников. Красиво, но надоедает, если повторить несколько раз подряд. Я включила фонарик на телефоне и побрела на кухню попить. Вода была теплой и противной, но холодильника в доме не наблюдалось. Странное дело: музыка как будто стала тише. Я вернулась в комнату – надоедливая мелодия усилилась, и я пошла искать причину.

В самой дальней комнате музыка звучала громче всего. Мне совсем не было страшно, просто хотелось поскорее найти источник звука, чем бы он ни был. Пошарила на стеллаже – среди бумаг лежало что-то гладкое. Подцепила, сняла с полки, попыталась рассмотреть в свете фонарика.

- Чего ты там шарахаешься, включи лампу.

Я шелкнула выключателем и увидела Славу, который устроился спать в кресле, подставив стул под длинные ноги.

- А я тебе кровать оставила.
- И я тебе кровать оставил, – буркнул он. – А ты вместо этого грампластинки слушаешь?

Раньше я никогда не видела таких пластинок, и вообще много чего в жизни не видела, пока не поступила в институт. Пугливая девочка на домашнем обучении, верящая в призраков и домовых... Получается, большой черный диск в моих руках – прадедушка «Спотифая» и «Айтьюнса»? Я только с их CD-дедушкой была знакома!

- Эта пластинка играет, – сказала я и прочитала название в белом кружочке: «Samuel Barber. Adagio for Strings. Op. 11».
- Конечно, играет. Если проигрыватель включить.

- Она сама по себе играет...

Слава снисходительно посмотрел на меня:

- Понятно. Тебе надо пить газировку, а не белое. Остаток ночи мы спали на кровати спина к спине. Фоном играло «Адажио» Сэмюэла Барбера, но сон заботливо его приглушал.

Проигрыватель, завернутый в целлофановый пакет, оказался уже в первой могилке.

- А дядя твой был большим оригиналом, – сказал Слава. – Похороненные вещи, жилище бешеного гнома... – Он посмотрел на дом, который я продолжала называть «Красным сараем». Затем поднял с земли пакет с проигрывателем. – Потестим?

Провод нашелся в комнате с креслом, где я обнаружила «Адажио». Там же лежали конверты от других пластинок, но их самих не было видно. Слава настроил проигрыватель, включил его. Заиграла музыка из моей головы и заглушила все уличные звуки.

- Выключи, пожалуйста, иначе прямо сейчас сойду с ума, – сказала я Славе и вышла из дома.

Села на землю подальше от всех этих загадочных кочек-могил и посмотрела на небо. А оно – на меня. Я закрыла глаза, но все равно чувствовала, что небо меня изучает.

- Кем был твой дядя? – Слава бесцеремонно вторгся в игру с небом.
- В оркестре играл. На чем-то духовом.

На чем именно он играл, мы узнали из второй могилки.

- Инструмент-то ему чем не угодил? – Слава бросил лопату и вытащил из земли саксофон.
- Был слишком строптивым, не слушался хозяина, – усмехнулась я и вдруг поняла, что это, возможно, не шутка.

Днем адажио заглушали звуки улицы, а ночью от него некуда было деться. Проблема с музыкой внутри головы заключается в том, что от нее не спасут никакие беруши. Я включила аудиокнигу, бормотание чтеца слилось с ненавистной мелодией и аккомпанементом августовских цикад. У меня с собой ни снотворного, ни антидепрессантов. А если перекинуть пластинку через забор к соседям? Хотя они-то в чем виноваты... И я оставила ее в туалете – единственном помещении в доме, где закрывалась дверь.

Слава разбудил меня в полдень:

- Ты знаешь, куда делся холодильник?
- Не видела его в доме.
- Потому что он был под землей. Я все утро выкапывал!

В глубине сада на дне огромной ямы стоял древний ЗИЛ. 1976 года выпуска, о чем сообщала металлическая табличка на его задней части. Больше часа мы пытались добраться до ручки дверцы и узнать, есть ли что-нибудь внутри.

– Интересно, твой чудной дядя сначала погрузил холодильник в яму, а потом заполнил его коробками? – Слава с изумлением рассматривал разной величины осколки виниловых пластинок в картонных коробках из-под обуви. – Как он в одиночку такую тяжесть в яму опустил?

Так вот что нужно сделать с проклятым «Адажио»! Я метнулась в дом, принесла пластинку и попыталась сломать об колено, а когда это не удалось, попрыгала на ней. Пластинка треснула, развалилась на четвертинки. Но и мелодия как будто сломалась, зазвучала непривычно, атонально, что ли. Вот интересно: я-то слышала только ее, а дядю, получается, донимала музыка со всех сломанных пластинок?

– Думаю, дядя сначала в холодильнике все это добро держал, – сказала я. – У старого ЗИЛа должна быть отличная звукоизоляция. Но, видимо, не очень помогало – пластинок тут целый вагон. Вот и решил закопать.

Слава смотрел на меня во все глаза.

– Прости, но у вас это, – он показал на холодильник, – кажется, семейное.

– И что теперь? – окрысилась я и бросила осколки «Адажио» в коробку к другим.

Мы больше не говорили о сломанных пластинках. Я наслаждалась тишиной внутри головы. Как будто несколько дней в мозг стучалась мигрень, а потом ушла мучить других. Мы пошли на реку, я сидела на берегу с закрытыми глазами и слушала звуки вокруг. Вот какие-то мальчишки с разбегу прыгают в воду и радостно кричат. Слава рядом возится на пледе и полусшепотом слушает подкаст: как обычно, забыл зарядить наушники. И уже затянули свою тревожную песню цикады. Я не могла решить, рассказывать ли Славе про музыку в моей голове или пожалеть его. Он ведь все равно скоро уедет, и на этот раз, наверное, навсегда. Мы же договорились – никаких тупых возвращений, тем более приправленных безумием сломанной музыки.

Но после купания Слава принялся разбирать старый сарай: нашел большой зонт, плетеную мебель и садовые качели. Я вернулась в сад, проспав два часа вместо обещанных «пяти минуточек», и увидела на месте ямы с холодильником только небольшой пригорок свежей земли. Слава

читал, покачиваясь на качелях, которые отзывались легким скрипом.

– И как тебя не бесит этот скрип, – сказала я и присела на краешек.

– Ну, это же не адажио, – усмехнулся Слава, освобождая место. – А вообще мне дико нравится, что у нас есть свой тайный ад. Приедут гости, но никто из них не будет знать, что в саду зарыт холодильник. И куча всего другого, что мы еще не успели раскопать.

«А мне дико нравится, что Слава сказал “у нас есть” и “мы не успели”, – подумала я. – Пусть будет тайный ад. Как напоминание о том, что до безумия иногда всего один шагочек. Живешь, как все, гоняешь на велике, играешь в оркестре, а потом музыка вырывается из-под контроля. И вот ты уже закапываешь в саду саксофон и холодильник с пластинками».

Весь вечер мы читали старые журналы, найденные в сарае, под жужжание цикад и звон комаров. И это была единственная музыка, если не считать отголосков драматичного хита «Ты горишь, как огонь», который соседи крутили на повторе.

А утром Слава спросил:

– Ты не знаешь, что это за музыка? Та-дам, та-да-дам, та-да-да-да-да-дам?

Остро кольнуло под ребрами. И все-таки она вертится, эта неприкаянная музыка, пусть уже и не во мне. Я сдержала панику:

– Певец из тебя так себе, но похоже на «Песню Сольвейг». А что?

– Вроде как играет в голове, никак не могу переключиться. Я что, от тебя заразился?

«Дачу все-таки придется продать», – подумала я, а вслух сказала:

– Пойдем искать недобитую пластинку.

И мы пошли на звуки из его головы.

